

В БЕЛОРУССИЮ С ЛЮБОВЬЮ

Роман молодой талантливой романистки Ольги Липницкой только готовится к публикации. Несколько лет назад ей, участнице творческого конкурса, проходящего в Норвегии, предложили обучаться на курсах норвежского языка в Высшей народной школе. В течение года она жила в многонациональном общежитии, общалась со сверстниками из разных стран на норвежском языке, путешествовала с ними во время каникул, работала, училась в профильном классе основам журналистики и всё время вела творческий дневник, ставший основой романа, который так и называется — «Норвежский дневник». Небольшой отрывок из него, свидетельствующий об искреннем интересе норвежцев к нашей стране, мы и предлагаем вниманию читателей.

Ольга Липницкая

Приближалась кульминация учебного года в Высшей народной школе, а именно — долгожданное путешествие, учебный тур. Наш класс поедет в Северную Ирландию, чтобы встретиться и поговорить с представителями воинствующих католиков и протестантов, которые всё никак не могут примириться между собой. Я, конечно же, преувеличиваю. Мы ведь не специалисты, чтобы судить о таких серьёзных вещах. Но посмотреть на Ирландию, на то, как живут её граждане и как проводят свободное время — это нам по силам. Мы долго спорили, куда же всё-таки поехать: в Восточную Европу или Северную Ирландию? Конечно, Восточная Европа — Польша, Чехия — это тоже интересно, но Северная Ирландия, в конце концов, перевесила чашу весов. Решающую роль, наверное, сыграли студенты из класса «Медиа-2». Многие из них (те, кто учился журналистике в прошлом году) уже побывали на изумрудном острове и охотно делились с нами своими приятными воспоминаниями. Что и говорить: съездить в Северную Ирландию — это действительно интересно.

В Высшей народной школе учебное путешествие входило в обязательную программу. Каждый класс должен был выбрать свой маршрут, не превышая при этом бюджета — 5000 крон (по тем временам немало). Все классы уже определились, куда направятся. Студенты из «Медиа-2», например, собирались в Брюссель, чтобы поближе познакомиться с органами управления в Европейском Союзе. Социальный и фотоклассы выбрали путешествие по Европе — Амстердам, Брюссель, Прага, Венеция, Рим. Иностранцы из класса норвежского языка должны были отправиться в Кристиансанд. Все с нетерпением ожидали, когда же, наконец, наступит время отъезда.

— Эва, тебя к телефону, — бежал навстречу вьетнамец Хуанг, мой сокурсник по народной школе.

В трубке послышался женский голос. Это была учительница из соседней детской школы. Вернее, детской и средней школы (в Норвегии общеобразовательная программа разделена на три этапа — детская, средняя и старшая школа, или гимназия). Так вот, учительница попросила приехать к ним и рассказать о России.

— У нас совсем небольшая школа, — взволнованно говорила она, видимо, боясь, что я откажусь, — всего лишь пятьдесят человек.

— А какое время должен занять мой рассказ?

— Вообще-то мы планировали выделить для этого целый урок, — объяснила учительница, — но я понимаю, что это не так легко. Ну, хотя бы полчаса, — добавила она умоляющим голосом.

В общем, я согласилась, потому что нельзя отказываться от подобных просьб. Вот только никак не могла представить, что можно рассказывать маленьким детям в течение целых тридцати минут! А ведь там соберутся ученики разных возрастов, от шести до пятнадцати лет. Мне никогда не доводилось проводить уроки в школе.

Я написала на листе и размножила текст «Песни о Катюше» с транскрипцией. В крайнем случае будем петь песни.

В назначенный час у центрального входа общежития остановился белый автомобиль, и из него вышла женщина в очках, в бежевой куртке и серых брюках. «Это она мне звонила», — с уверенностью сказала я себе. Очень уж подходил голос из телефонной трубки к её внешнему виду. Несколько шагов навстречу и приветливая улыбка — мы сразу узнали друг друга. Тёплой и сухой — такой была её ладонь.

— Ну что, поехали? — Учительница повернула ключ зажигания.

Улыбка, как много она значит для наших лиц! Незнакомое лицо мгновенно преобразуется и становится ближе, если на нём вдруг заиграет ясная светлая улыбка. Порой излишне говорить что-либо, особенно когда трудно найти подходящие слова, достаточно искренне и открыто улыбнуться — и всё станет намного проще.

Автомобиль учительницы поднимался в гору, и женщина, сидящая за рулём, уже не казалась чужой. Мы подъехали к двухэтажному зданию школы. Было тихо и казалось, что внутри нет ни души.

— Урок ещё не кончился, — кивнула учительница, будто угадывая мои мысли.

Мы прошли в учительскую комнату — с множеством разноцветных бумажек, объявлений и списков, прикреплённых кнопками к пробковой доске. Седой долговязый мужчина с бородкой вышел нам навстречу, улыбнулся и протянул руку для приветствия.

— Арне Бьёрн, ректор этой школы, — представился он, указывая на табличку своего кабинета.

Арне Бьёрн повёл нас по пустынному вестибюлю.

— У вас есть карта? — спросила я. Он задумался на мгновение.

— В зале нет. Мы как-то не подумали, но сейчас найдём, — он кивнул учительнице, и та заспешила обратно.

Зал оказался светлым помещением с множеством стульев, расставленных нестройными рядами. На стене висела белая металлическая доска с отворачивающимися «рукавами» в клеточку. «Что ж, можно занять какое-то время, записывая имена детей по-русски», — промелькнуло у меня в голове. На какое-то время я даже перестала волноваться, но только до тех пор, пока не прозвонил звонок с урока.

В двери стали заглядывать любопытные детские лица. Они исчезали и появлялись вновь. И вот учительница уже вводит за собой младший класс. Маленькие, какие же они маленькие и милые!

Вспомнилось, как младшая сестрёнка, которой в год российской школьной реформы исполнилось шесть лет, пошла в первый класс, организованный по новой программе прямо в детском саду. «А у нас все шестилетки козы едят», — серьёзно отвечала она на попытки родителей пристыдить за детскую привычку тянуть палец из носа в рот.

Самых младших посадили в первом ряду, за ними разместились дети постарше. Вскоре принесли и повесили карту. Я задержала взгляд на точке, обозначающей мой родной Минск, и вспомнила слова знакомой девушки, приехавшей в наш город из маленького станционного городка: «С детства представляла, как поднимаюсь всё выше над домом, над городом, над материком, над планетой, — и вижу, как сама постепенно уменьшаюсь, превращаюсь в маленькую точку и пропадаю совсем. Мысль о том, что вот так и проживу всю

жизнь в городке, который невозможно отыскать на карте, угнетает меня с юных лет».

Я стою здесь, в этой школе у доски, в крошечном посёлке, который не найдёшь даже на карте Норвегии, и чувствую себя счастливой от белого снега и яркого солнца за окном... Кто-то осторожно трогает за плечо, и, обернувшись, я вижу сначала серые лучистые глаза ректора, а за ними — множество детских глаз, устремлённых на нас в ожидании. «Можно начинать», — кивает Арне Бьёрн, и в этом кивке я чувствую его волнение.

Я представилась и рассказала, что приехала из Беларуси и учусь теперь в Высшей народной школе.

— Говоришь ты как-то странно, — громко произнесла коротко стриженная барышня из первого ряда. Старшие дети заулыбались.

— Эва ведь раньше не знала норвежского языка. Представь, если бы тебе пришлось говорить по-русски, — тихо сказала ей учительница.

— О-о, это было бы очень труд-

но! — воскликнула первоклашка.

— Вы знаете, где находится Беларусь? — обратилась я к залу. Никто ничего не ответил. — А Россия?

Мальчик из третьего ряда робко поднял руку. Я сама должна разрешить ему высказаться, и это новое для меня чувство внезапно заполнило сердце.

— Что ты знаешь о России? — обратилась к нему.

— Я слышал, как папа говорил о России, когда смотрел программу новостей.

— Иди-ка сюда, — подозвала я мальчика поближе. — Как тебя зовут?

— Таральд.

— Ты покажешь нам, Таральд, где на карте находится эта страна.

Мы водили указкой, путешествуя по Европе и Азии. Мальчик старательно по-

вторял за мной русские названия городов. Обернувшись, я вдруг заметила, что самые маленькие, сидящие в первом ряду, начали беспокойно ёрзать. «Их надо чем-то занять», — промелькнула спасительная мысль.

— А кто знает, как по-русски будет «здравствуйте»?

Малыши настороженно замерли.

Я стала громко произносить русские слова, заставляя зал повторять за мной, записывала на доске, а потом мы вместе читали их вслух.

— Может быть, кто-то хочет по-русски написать своё имя?

Никто не решался выйти первым к доске. Я подозвала Таральда, и вместе мы написали его имя сначала на норвежском языке, а затем русскими буквами. Зал, похоже, заинтересовался. Теперь уже несколько малышей нетерпеливо тянули свои ручки. Мари, Кнут, Эрик, Халлвард, Кристина, Бьёрн. Старшие школьники, видимо, стеснялись и поэтому сидели на своих местах, тихонько переговариваясь между собой и внимательно наблюдая за младшими. Первые ряды опустели и возле доски собралась большая группа детей. Они вырывали друг у друга из рук фломастеры и писали на доске своё имя, а потом дёргали меня снизу за рукав: «Эва, Эва, напиши моё имя по-русски, пожалуйста!»

— Сколько времени у нас осталось? — спросила я учительницу.

— Пятнадцать минут.

— Тогда подождите, — обратилась я к малышне, — мы должны ещё выучить русскую песню.

Тексты, подготовленные мной, учителя раздали детям ещё до начала встречи. Появился баянист, учитель пения, и тихонько стал подбирать аккорды, напряжённо вслушиваясь в мелодию. Я спела, потом прочитала слова, потом мы вместе с детьми стали произносить слова песни вслух и, наконец, — запели!

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

«Как это я догадалась про песню! — мелькнула радостная мысль. — Ведь если

трудно найти необходимые слова, то лучше петь, чем молчать!»

Оглушительно прогремел звонок. Мне даже показалось, что этот звонок школьники восприняли с неохотой. Они стали медленно подниматься и выходить из класса, оглядываясь на меня. Малыши побежали на улицу и тут же затеяли игру в мяч и катание с горок.

— Ты не могла бы ещё немного держаться и зайти на урок в старший класс? — обратилась ко мне учительница. — Они разучивают русский танец и хотели бы показать его тебе.

Теперь я могла хорошо рассмотреть старшекласников. Высокие девочки, уже почти успевшие оформиться во взрослых дам, и мальчики, почти все низкорослые, с детскими лицами. Учительница была их классным руководителем. Она выглядела довольной, ведь это была её идея — пригласить меня в школу. Вошёл учитель пения с баяном и встал у окна, растягивая меха и настраиваясь на игру. Дети вышли к доске, где на небольшой площадке можно было танцевать, — две девочки, самые высокие в классе, и вихрастый мальчишка, ниже своих одноклассниц на целую голову. Зазвучала «Барыня», и девочки, сложив перед собой руки, стали неловко выходить по очереди в центр, угловато переступая с ноги на ногу. Стоящий напротив мальчишка вдруг пошёл на них, руки в боки, неумело выкидывая ноги вперёд. Они, конечно же, стеснялись. Когда музыка смолкла, учительница неуверенно посмотрела на меня. Все ждали моей оценки. Что же я должна сейчас сказать? Решено, я покажу им, что нельзя так танцевать, потому как скованные движения — не танец вовсе, а так, шарканье ногами.

— Больше страсти, — сказала я танцорам. Они переглянулись, видимо, не понимая, и продолжали смотреть на меня, неуверенно улыбаясь.

И тогда я кивнула баянисту, он снова заиграл, а я пошла на них, раскинув руки, взглядом приглашая присоединиться. Главное, чтобы не было скованности, в танце должно быть свободно и легко. Девочки

танцевали уже смелее и старались повторять за мной каждое движение.

— Да и нет здесь ничего особенного, — подбадривала я их, — просто вы должны видеть и чувствовать того, с кем танцуете. — С этими словами я подошла к вихрастому мальчишке и взяла его за руки. Он зарделся, понимая, что сейчас его очередь, и пошёл на меня, беспомощно выкидывая ноги вперёд. — Да нет же, это называется «вприсядку». — Я заплясала с ним на одной линии. — Ведь это так просто, что даже не стоит об этом думать!

Баянисту, похоже, понравился наш урок. С каждой минутой он играл всё оживлённее.

— Давайте все вместе, — учительница легонько стала подталкивать в круг остальных ребят. Они, похоже, давно уже хотели присоединиться, но стеснялись.

Мы сдвинули столы и встали все широким кругом. Учительница теперь выходила в центр, сложа руки, пританцовывая и косясь на своих воспитанников. Мальчики танцевали вприсядку и были в восторге от того, что у них всё так легко получается. Вошёл ректор и, улыбаясь, стоял и хлопал нам, любясь на своих подопечных. Невероятно, но эта встреча, от которой мне хотелось отказаться, обернулась настоящим праздником. Я смотрела на разряженные лица детей и переживала мгновения счастья, которые редки в нашей жизни и оттого запоминаются надолго.

Прошло немного времени, и однажды мне снова позвонила учительница, та самая, из детской школы.

— Наши ученики собрали тысячу крон. Они хотят помочь больным детям в Беларуси. В пятницу состоится торжественный вечер, на котором ученики хотели бы вручить тебе символический чек. Будет

пресса. — Казалось, она спешила сказать всё на одном дыхании. — Я заеду за тобой, если ты, конечно же, не возражаешь.

Как я могла возражать? Наша первая встреча оставила самые светлые воспоминания в моём сердце. Мой норвежский друг Кнут рассказывал, как дети из этой школы пришли к нему домой. Они предложили купить самодельную газету.

— И знаешь, кого я увидел на первой странице? — спросил он тогда с улыбкой.

— Кого же?

— Тебя. — С этими словами Кнут протянул мне газетные страницы, отпечатанные на ксероксе.

Я вначале ничего не поняла. Мне ведь ничего не сказали тогда о том, что будут собирать деньги для Беларуси. «Нашу школу посетила русская девушка Эва», — так начиналась статья обо мне. «С официальным визитом», — добавила я сквозь смех. Невероятно, но наша встреча действительно что-то изменила в жизни маленькой школы! Норвежские школьники решили собирать деньги для больных детей в Беларуси и для этого выпустили свою газету и организовали несколько благотворительных вечеров. Такие вечера часто проходят в норвежских школах: накануне родители пекут печенье и кексы, дети готовят сценические номера. А в перерыве благотворительного вечера устраивается ярмарка, на которой продаются рисунки и поделки, выполненные руками детей. Любопытно, что печенье, изготовленное родителями, они же сами потом и покупают в буфете. Вырученные деньги поступают в общий школьный фонд. Наверное, мой портрет на первой странице послужил приманкой для потенциальных покупателей газеты. Ох уж эта рыночная экономика!

Ласковое весеннее солнце освещало здание школы и спортивную площадку,

на которой мальчишки стучали баскетбольным мячом. Кто-то из них узнал меня и закричал; «Эва приехала! Русская Эва приехала!»

— Ты здесь — местная знаменитость, — смеясь, заметила учительница.

Мы вошли в зал, такой узнаваемый, пустой и тихий. Прозвенел звонок, и тишину в нём заполнили голоса детей. Они нетерпеливо и шумно рассаживались по местам. Самые маленькие, как и в прошлый раз, устроились в первом ряду. Теперь и я сидела вместе с ними, а бородастый ректор стоял у доски и рассказывал об успешной гуманитарной акции в пользу больных детей Беларуси. В зал вошёл корреспондент с фотоаппаратом и остался у двери, что-то записывая в блокнот.

Наконец, ректор отвернул «рукав» доски и все увидели большой прямоугольник пластика, оформленный в виде огромного банковского чека, на котором была обозначена сумма — тысяча норвежских крон. Это и был тот символический чек, который мне предстояло принять. Я вышла на сцену и под аплодисменты торжественно пожала руку ректора. Тот подозвал учеников из старшего класса, и мы сфотографировались все вместе с символическим чеком в руках.

На следующий день я отправилась в библиотеку общежития, чтобы отыскать заметку об этом знаменательном событии, и действительно нашла в городской газете несколько строчек и фотографию. Цифры на символическом чеке выглядели очень чётко — 1000 крон. На эти деньги норвежские школьники предполагали купить карандаши и тетради, чтобы потом переправить их в Беларусь.

**г. Муэв,
Норвегия**